

ТАГАНРОГСКИЙ ВѢСТНИКЪ

№ 181-й.

№ 181-й

ЕЖЕДНЕВНАЯ

Телефонъ редакціи № 85.

Телефонъ типографіи № 85.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Годъ XXIII

Понедѣльникъ, 12 іюля 1904 года.

Годъ XXIII

А. П. Чеховъ.

Въ «Южномъ Обозрѣніи» г. Лоэнгринъ вспоминаетъ о своей встрѣчѣ съ Чеховымъ въ 1902 г.:

Изъ большого окна кабинета Чехова открывался превосходный чарующій видъ на Ялту, на море, горы.

И первой моей невольной фразой было:

— Какой чудный видъ.

— Воже мой, какъ этотъ видъ мнѣ надоѣлъ,—отвѣтилъ Чеховъ.

— Вы не любите Крыма?

— Да, я не люблю его. Онъ всегда производитъ на меня впечатлѣніе чего-то поддѣльнаго. Это слишкомъ большая яркость неба и красокъ. Все это—фольга. Все это излишне кричитъ. Я живу здѣсь по необходимости. Вы бывали въ сѣверныхъ губерніяхъ? Колоритъ неба тамъ симпатичнѣе. Въ природѣ нѣтъ этой пестроты. Чтобы понять Россію, оцѣнить ее, вникнуть въ ея сердце надо поѣхать туда. Я не понимаю, зачѣмъ люди рвутся сюда.

Разговоръ перешелъ къ Максиму Горькому и Бунину.

Чеховъ относился къ Горькому съ большой пріязнью и цѣнилъ высоко его литературный талантъ.

Но мнѣ показалось, что эти слова пріязни звучали въ его устахъ нѣсколько излишне корректно. Когда же онъ заговорилъ о Бунинѣ, явилась теплота глубокой симпатіи.

Какъ извѣстно, Иванъ Бунинъ не пользуется столь выдающейся популярностью, почти не проникъ въ сердца молодежи, не овладѣлъ ими.

И это обстоятельство очень огорчало и даже удивляло Чехова.

Въ сущности, такая симпатія къ Бунину мнѣ стала понятна (помимо личныхъ отношеній, въ которыя я не имѣю права вмѣшиваться и которыхъ я даже не знаю) сразу какъ я увидалъ Чехова и началъ съ нимъ говорить. Мнѣ кажется, что яркій, кричащій (хотя бы это и былъ крикъ большого крупнаго таланта) талантъ Максима Горькаго не привлекалъ къ себѣ Чехова въ силу тѣхъ же обстоятельствъ и вкусовъ, въ силу какихъ не привлекала къ себѣ его сердечныхъ симпатій эта южная природа.

Тамъ у Бунина сѣрый колоритъ неба и полей. Тамъ сѣверная природа. Тамъ люди проще. Тамъ нѣтъ позировки.

И еще былъ одинъ пунктъ въ нашей бесѣдѣ, который окончательно убѣдилъ меня въ томъ, что все фейерверочное вовсе не въ натурѣ Чехова. Заговорили о провинціальной печати. И говорили довольно долго. Конечно, косну-

и южныхъ, и въ частности одесскихъ газетъ.

Одесса—это Провансъ Россіи. Подъ яркимъ небомъ юга выросла одесская печать. Въ Одессѣ люди живые, стремительные, чутки къ сенсациі. Здѣсь на югѣ больше стремленій къ мечтѣ и фантазіямъ. Здѣсь болѣе умѣстны такіе тоны и характеры, какъ Тартарянъ. И одесская печать, конечно, отраженіе всей этой южной жизни. Въ ней всегда есть что-то кричащее. Одесская печать—дитя улицы и интересуется улицей. И это вліяніе улицы чувствуется на всѣхъ столбцахъ мѣстныхъ газетъ, въ особенности, въ яркости и въ пестротѣ городской хроники, въ стремленіи дать интересную, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ провѣренную замѣтку.

Чуткость къ мелкимъ фактамъ жизни—удивительная.

И вотъ эта то южная печать и не пользовалась симпатіями Чехова.

Его больше привлекалъ серьезный и вдумчивый тонъ сѣверныхъ газетъ.

— Зачѣмъ эти стремленія къ сенсациі? Зачѣмъ эта шумиха громкихъ словъ? Все это такъ безцѣльно. Возьмите для примѣра печать нашего сѣвера.

Отчего одесская печать не разрабатываетъ областныхъ вопросовъ?

Зачѣмъ ей гнаться за крикомъ моды?

Пусть займется земствомъ. Надо быть проще. Нѣтъ ничего хуже манерничанья. Меня ужасають эти пустыя замѣтки въ одесской хроникѣ, оповѣщающія о пріѣздахъ и отъѣздахъ.